

Цзян Цзин широким шагом направился вперед, а Сюй Мо послушно последовал за ним в сторону главного зала поместья. Госпожа Ли и двое её детей, получив известие от слуг, уже ждали там. Увидев, что Сюй Мо идет рядом с Цзян Цзином, все трое застыли в крайнем изумлении.

Сюй Мо, спрятавшись за спину отца, воспользовался тем, что тот его не видит, и одарил семейство Ли взглядом, в котором сквозило три части насмешки и семь частей откровенного вызова.

Сегодня я, братцы, преподам вам урок: кто первым ударит — тот победит, кто промедлит — тот страдает.

Цзян Хуа, привыкший к тому, что отец всегда выделял его среди остальных, не смог вынести дерзкого выражения лица Сюй Мо. Он даже не удосужился поприветствовать отца, а в ярости бросился вперед, намереваясь схватить Сюй Мо:

— Что ты из себя возомнил? С какой стати стоишь за спиной отца? Ты еще не ответил за те беды, что натворил сегодня, так что готовься к наказанию!

Сюй Мо лишь усмехнулся про себя, но на лице изобразил испуг и замешательство. Он еще сильнее прижался к Цзян Цзину, чтобы тот во всей красе увидел грубость Цзян Хуа. Он знал, что сейчас отец испытывает перед ним чувство вины, а значит, не останется в стороне.

Так и вышло. Цзян Цзин рявкнул на сына:

— Наглец! Он твой старший брат, как ты смеешь вести себя столь неподобающе?

Цзян Хуа опешил от отцовского гнева, а госпожа Ли и Цзян Цин замерли в шоке. Это был первый раз, когда Цзян Цзин вступился за своего старшего сына, которого прежде лишь признавал, но никогда не воспитывал.

Сюй Мо ликовал, хотя внешне продолжал изображать обиду, опустив голову и выглядя так, словно его глубоко задела. В душе он уже строил планы: хотя отец защитил его сейчас, этого было недостаточно. Нужно воспользоваться моментом, чтобы выторговать себе немного денег на будущее, чтобы потом навсегда уйти из дома Цзян.

Госпожа Ли, заметив, что сын разгневал отца, встревожилась. Она бросила на Цзян Хуа острый, требовательный взгляд, приказывая немедленно извиниться. Тот, хоть и кипел от негодования, не посмел ослушаться мать. Увидев перекошенное от злости лицо отца, он нехотя опустил голову и пробормотал:

— Сын был неправ, не следовало мне проявлять неуважение к брату.

Цзян Цзин посмотрел на него, лицо его немного смягчилось. Он кивнул и отрезал:

— Чтобы это было в последний раз.

После этого короткого обмена извинениями и дежурными фразами напряжение немного спало. Госпожа Ли, лениво помахивая жемчужным веером, улыбнулась, хотя в её глазах читалась сталь:

— Хуа-эр, ты тоже хорош. Даже если твой брат сегодня и обидел поместье маркиза Динъюань, твой отец сам разберется с ним. Как бы ты ни желал ему добра, нельзя же так кричать на него.

Голос её звучал мягко, но в словах крылся яд.

— Какое еще поместье маркиза Динъюань? — Цзян Цзин нахмурился, в его голосе послышались нотки сомнения и властности.

Вопрос попал точно в цель. Госпожа Ли вскинула брови, прочистила горло и начала красочно расписывать события. Она умело опустила тот факт, что сама отказалась выдать Цзян Цин замуж, зато в ярких красках живописала, как именно Сюй Мо поставил госпожу Шэнь в неловкое положение. Она делала вид, что лишь мимоходом упоминает грубость Сюй Мо, но на деле подчеркивала, насколько ужасным было выражение лица госпожи Шэнь.

Цзян Цзин слушал, хмурясь от недовольства. Он бросил взгляд на Сюй Мо, который стоял с опущенными глазами, изображая покорность, и спросил строгим, хотя и негромким голосом:

— Ты всегда был смирным и рассудительным, почему же сегодня решил перечить старшим?

Сюй Мо только этого и ждал. Он и сам не подозревал, что обладает врожденным актерским талантом. Уголки его губ опустились, губы задрожали, а на глазах выступили слезы.

Он начал:

— Отец, мне так обидно...

Лицо Цзян Цзина, готовое обрушить гнев, мгновенно разгладилось. Он в недоумении спросил:

— Семья Шэнь пришла сватать старшего сына, а тебе обидно...

...что?

Последнее слово Цзян Цзин проглотил, запоздало осознав суть происходящего. Мачеха

пришла устраивать судьбу пасынка, в то время как родной сын стоит перед ним в грубой мешковине, худой и изможденный.

Взгляд Сюй Мо, полный печали, в сочетании с безобразным родимым пятном на лице, вызывал жалость и окончательно пробудил в Цзян Цзине отцовские чувства. В молодости у него были счастливые дни с матерью Сюй Мо, к тому же именно она помогала ему в начале пути. Позже, опираясь на поддержку семьи госпожи Ли, он не смел ей перечить и закрывал глаза на то, как она издевалась над его первой женой и сыном. Но теперь он обрел власть и больше не боялся.

Глядя на своего старшего сына — и без того некрасивого, да еще и так униженного, — он ощутил горькое сожаление. Если он, будучи отцом, имея возможность, не защитит его, то в будущем его самого настигнет кара.

Пока Цзян Цзин раздумывал, как загладить вину, Сюй Мо сам предложил решение:

— Отец, сегодня я был груб. Я с детства жил в заднем дворе и не видел мира, поэтому не так умен, как младшие брат и сестра... — Он помедлил и добавил: — Если бы мне доверили присматривать за какой-нибудь лавкой, я мог бы чаще видеть знатных людей и учиться хорошим манерам.

Госпожа Ли и её дети остолбенели, лишь теперь поняв, что угодили в ловушку Сюй Мо. Оказывается, этот мерзавец разыграл спектакль!

Первым не выдержал Цзян Хуа. У семьи Цзян было всего пять лавок, и все они должны были достаться ему. Он и представить не мог, что этот уродливый брат вздумает зариться на его наследство. Он бросился вперед и, тыча пальцем в лицо Сюй Мо, закричал:

— О чем ты мечтаешь?! Как ты смеешь зариться на наши лавки? С такой рожей, как у тебя, ты только людей распугаешь!

Сюй Мо опустил голову и молчал, дожидаясь реакции Цзян Цзина. И та не заставила себя ждать. Лицо отца почернело от гнева. Его самого когда-то унижали сильные мира сего, точно так же, как сейчас это делал Цзян Хуа. А Сюй Мо — его кровный сын, и оскорбляя его, Хуа оскорбляет самого Цзян Цзина.

Цзян Цзин взмахнул рукой и отвесил сыну звонкую пощечину.

— Совсем распоясался! В доме Цзян не тебе решать, кому и что достанется!

Звучный шлепок и резкий окрик заставили воздух в комнате словно застыть. Цзян Хуа, прикрывая щеку рукой, прошептал в неверии:

— Отец... ты ударил меня...

Госпожа Ли тоже с негодованием посмотрела на мужа, но гневные слова, готовые сорваться с языка, она проглотила. Времена изменились, и её семье приходилось считаться с Цзян Цзином. К тому же, он и так не брал наложниц последние годы, а если сейчас возникнет разлад, он вполне может привести в дом молодую красавицу.

Цзян Цзин указал на госпожу Ли и её детей и холодно произнес:

— Тебе стоит получше заняться их воспитанием! Сюй Мо — старший сын семьи Цзян. Младшим не пристало смотреть на него свысока и осыпать бранью, это позорит наше поместье!

Госпожа Ли была готова зубы стереть от ярости, но, подавляя гнев, процедила сквозь них:

— Поняла...

Цзян Цзин немного помолчал и продолжил:

— Сюй Мо прав. Он уже достаточно взрослый, пора ему выходить в свет и набираться опыта. — Он повернулся к Сюй Мо: — Завтра управляющий покажет тебе наши лавки. Выбирай ту, что приглянется, — она твоя.

Не успел Сюй Мо просить, как Цзян Цзин добавил:

— Отдать-то я отдам, но ты должен вести дела прилежно.

Сюй Мо закивал так часто, что чуть не отбил себе голову, и поспешно заверил:

— Не беспокойтесь, отец! Я ни за что вас не подведу!

— Гм, — сухо отозвался Цзян Цзин и, заложив руки за спину, первым вышел из зала, направляясь в кабинет.

Как только он ушел, Сюй Мо мгновенно сбросил маску покорного и плаксивого юноши. Он склонил голову, приподнял бровь, и на его лице отчетливо читалось: ну и что вы мне сделаете?

Госпожа Ли окончательно отбросила притворство и испепелила Сюй Мо яростным взглядом, в котором сквозила лишь ненависть. Она привыкла действовать из-под тишка, сохраняя при этом облик добропорядочной хозяйки дома.

Сюй Мо, не спеша, походкой хозяина жизни, направился к выходу. Проходя мимо Цзян Хуа, он похлопал себя по щекам и нарочито громко произнес:

— Ой, как больно!

Это была явная провокация. Цзян Хуа, взбешенный, снова бросился на него с кулаками.

На следующее утро Сюй Мо, едва дождавшись рассвета, схватил управляющего и помчался осматривать лавки. В его голове крутилась лишь одна мысль: поскорее переоформить их на себя, ведь там, впереди, его уже ждали горы золота, маняще протягивая свои объятия.

<http://bllate.org/book/21561/2219637>